

РОССИЙСКАЯ  
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения  
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается  
под руководством Отделения  
историко-филологических наук

**К 200-летию  
со дня рождения  
Б.А. Дорна**

# ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2(3)  
осень — зима  
2005

Журнал основан в 2004 году  
Выходит 2 раза в год

## В НОМЕРЕ:

- А.И. Колесников, Н.Л. Лужецкая.* Выдающийся востоковед академик Б.А. Дорн 5
- О.В. Васильева, Л.А. Шилов.* Академик Б.А. Дорн — библиотекарь Императорской Публичной библиотеки 16

## ПУБЛИКАЦИИ

- С.М. Прозоров.* «Верования арабов во времена ал-джахилии» аш-Шахрастани. *Комментированный перевод с арабского* 26
- В.А. Дроздов.* Фахр ад-Дйн 'Ирақй. 'Ушшяқ-наме (Книга влюбленных). *Предисловие, перевод с персидского и комментарии. Часть 1* 47
- И.С. Егоренков.* Парафраз Сима (Наг-Хаммади VII.1). *Введение, перевод с коптского и комментарии* 84

## ИССЛЕДОВАНИЯ

- М.С. Пелевин.* Распространение ислама и развитие письменности у афганцев в XVI–XVII вв. 113
- З.А. Джандосова.* Обычай заступничества в Афганистане на рубеже XVIII–XIX вв. 125
- Н.Л. Лужецкая.* Материалы к истории разграничения на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд А.Е. Снесарева): «Отчет Генерального Штаба капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане» (1893 г.) 134



«Наука»  
Издательская фирма  
«Восточная литература»  
2005

<i>А.И. Колесников.</i> Управление Хорасаном в IX–XII вв. (по сведениям мусульманских географов)	153
<i>Е.И. Васильева.</i> Курдское племя в источниках и литературе	172
<i>О.М. Чунакова.</i> Пехлевийский лапидарий	196
<i>А.Г. Грушевой.</i> Иосиф Флавий, Филон Александрийский и автор Деяний Апостолов о межэтнических конфликтах в Палестине I в. н.э.	205
<i>А.Б. Куделин.</i> «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы	223

#### РУКОПИСНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

<i>А.К. Козмоян.</i> Средневековые армянские переводы Корана в рукописях Матенадарана	235
---	-----

#### ЭЛЕКТРОННЫЕ БИБЛИОТЕКИ

На четвертой стороне обложки:	<i>С.М. Прозоров, М.Г. Романов.</i> Обзор электронных баз данных по исламу на арабском, персидском и английском языках. Выпуск 1	240
-------------------------------	--	-----

Из собрания СПбФ ИВ РАН (арабографичный фонд)

1) «Ас-Самй фй-л-асами» («Превосходный в [определении] имен»). Арабо-персидский словарь.

Автор Абу-л-Фазл Ахмад б. Мухаммад ал-Майдани. Список 537/1143 г. (В 523, л. 110b–111a)

2) «Тухфат-и 'айн-и хайат» («Дар источника жизни»). Географическое сочинение. Автор не установлен. Список начала XVIII в. (В 839, л. 88b–89a)

#### НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С.Л. Невелева.</i> XXV Зографские чтения: Проблемы интерпретации традиционного индийского текста. Санкт-Петербург, 24–26 мая 2004 г.	258
<i>Н.В. Козлова.</i> Конференция, посвященная 90-летию И.М. Дьяконова	264

#### РЕЦЕНЗИИ

<i>Н. Велиханова.</i> Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата	266
<i>А.Г. Грушевой.</i> A. Sivertsev. Private Households and Public Politics in 3rd–5th Century Jewish Palestine	270

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева  
В.В. Волгина  
Р.И. Котова  
З.Г. Минеджян  
О.В. Волкова  
М.П. Горшенкова  
В.И. Мартынюк  
Л.Л. Михалевский  
Э.Л. Эрман

## Курдское племя в источниках и литературе

С проблемой племен сталкивается каждый, кто обращается к истории курдов, их языку, литературе, культуре духовной и материальной. Племенная структура, насколько нам известно, сопутствовала всей обозримой истории курдов. При этом племя было важнейшей ячейкой общественной организации кочевой части курдского социума, в то время как в среде оседлых земледельцев Курдистана племенная структура представлена в меньшей степени.

Курды заселяли и заселяют горную, в виде полумесяца, область от Евфрата в Северной Сирии и Турции до Керманшаха в Иране. Земли сельскохозяйственные и пастушеские в стране курдов тесно переплетены, использование их экономического потенциала возможно лишь при объединенных усилиях кочевника-скотовода и крестьянина-земледельца.

Племенная структура, как мы уже сказали, тяготеет к горам, к кочевью и не накладывалась на все курдское общество. Более того, в некоторых областях Курдистана значительную часть населения составляли неплеменные курды<sup>1</sup>. Однако влияние племенной структуры испытывал на себе весь социум, на всех уровнях бытия: в хозяйственной жизни, в структурах власти, в комплексе господствовавших идей. Обращаясь к любому периоду прошлого, можно видеть, что политическая борьба, борьба за власть в Курдистане шла с обязательным участием племенных сообществ, что у колыбели каждого правящего дома стояло мощное племя или союз племен. Поддержка племени служила надежным гарантом прочности власти правящей семьи, а ее утрата заканчивалась политическим крахом.

В книгах по курдской истории совсем недавно занимали прочные позиции стереотипы, которые формировали представление о социально-политической и хозяйственной жизни в Курдистане. Они были порождены неадекватным восприятием курдского кочевья, кочевника и племени<sup>2</sup>. Сам этноним «курд» воспринимался как символ приверженности номадизму, а курдскому племени была уготована роль вечного рудимента, пережитка стадии родо-племенных отношений, который удивительным образом сопутствовал всей обозримой истории этноса.

Устоявшиеся стереотипы не выдерживают сопоставления с конкретикой фактов при обращении к историческим источникам и рушатся на глазах. Вместо вечного невятного рудимента выступает четкая, отлаженная, отшлифованная веками органичная социуму структура курдского племени.

К настоящему времени структура курдского племени характеризуется вполне определенно. Долгие годы шли дискуссии, считать ли его генетическим образованием

*Васильева Евгения Ильинична* — д.и.н., вед.н.с. Сектора Среднего Востока СПбФ ИВ РАН.

<sup>1</sup> *Van Bruinessen M.M. Agha, Shaikh and State. On the Social and Political Organization of Kurdistan. Utrecht, 1978. P. 40 (далее — Bruinessen 1978).*

<sup>2</sup> *Васильева Е.И. Юго-Восточный Курдистан в XVII — начале XIX в. Очерки истории эмиратов Арделан и Бабан. Автореф. докт. дис. СПб., 1992. С. 5–7 (далее — Васильева 1992).*

и разросшимся родом или структурой социально-политической, образованной искусственно. Точку в дискуссии можно считать поставленной. Курдское племя охарактеризовано как политическая ассоциация, состоявшая по крайней мере из одной кровнородственной группы, с неопределенным (= любым) числом другого народа, к ней примкнувшего<sup>3</sup>. В племени задействованы оба начала: и родство (реальное или придуманное), и социально-политический контекст.

Курдское племя можно назвать социально-политическим и административно-хозяйственным комплексом, построенным на идее родства. Наличие консолидирующего ядра хотя бы из единственной кровнородственной группы или рода служило отправной точкой для развития идеи всеплеменной общности и единства, для построения мощнейшей идеологии всеплеменной солидарности.

Курдистан — место непрестанных военных столкновений, территория, где сходились в смертельном поединке многие народы. В результате гигантских потрясений ушли в небытие империи и царства, в орбиту политической жизни которых входил Курдистан. Курды сумели сохранить свою культуру, свою систему ценностей и индивидуальность благодаря племени — самой стойкой и органичной этносу структуре, обеспеченной жизнеспособнейшей идеологией всеплеменного единства, солидарности и родства.

Сведения по древней истории курдов и курдских племен скудны, целые пласты исторического прошлого погружены во мрак. Суровая, наполненная нескончаемыми войнами история страны курдов и их племен сохранила мало источников на курдском языке. Возможно, впоследствии решающим для историка окажется слово археолога-профессионала, которое прояснит многое в судьбе курдов и их племен.

Самые ранние сведения источников о курдских племенах датируются IX–X столетиями. Автор X в. Абу-л-Хасан ‘Али ал-Мас‘уди (ум. в 956 г.) приводит в своей книге названия 33 курдских кочевых племен, воспроизведенных в сочинениях Ибн Хаукала и Мукаддаси. О местах расселения курдов в Фарсе во время арабского завоевания, о курдских племенах, которые составляли элитную часть здешнего войска, рассказано в географическом сочинении Ибн ал-Балхи «Фāрс-нāме». Информация о курдах Азербайджана, о могущественных курдских племенах джалали и хазбани содержится в шеститомном историческом труде «Таджāриб ал-умам» Ибн Мискавейха.

Ценным источником по курдской истории является «Полный свод по истории» ‘Изз ад-дина ‘Али ибн ал-Асира (1160–1234), богослова и историка из Верхней Месопотамии. Его называют арабским историографом, однако Фархад Шакели, обратившийся к истокам курдской национальной идеи, считает несомненным факт принадлежности Ибн ал-Асира к курдскому этносу<sup>4</sup>. Книге Ибн ал-Асира большое внимание уделял В.Ф. Минорский, владевший информацией источника практически в полном объеме.

Сведения о курдских племенах обнаружены в труде арабского автора Шихаб ад-дина ал-‘Умари (ум. в 1348 г.) «Масāлик ал-абṣār». Источником информации о курдах для ал-‘Умари послужили документы из канцелярий мамлюкских султанов Египта, которые строили секретные планы против монгольских ильханов, а в их реализации, по всей видимости, немалое место отводили курдам. По этой причине заинтересованная сторона обращала внимание в первую очередь на племена Курдистана, их отношения друг с другом и властными структурами. Современник ал-‘Умари, Таки ад-дин ал-Джаиш в своем сочинении «Ал-Тасқиф» (1347 г.) пере-

<sup>3</sup> Bruinessen 1978. P. 369.

<sup>4</sup> Shakely F. Kurdish Nationalism in Mam û Zin of Ahmad-i Khanî. Bruxelles, 1992. P. 38.

числил имена 25 вождей курдских племен, с которыми канцелярия Египта состояла в переписке.

О курдских правителях и племенах Курдистана XIV–XV вв. рассказывается на страницах «Зафар-наме» Шараф ад-дина ‘Али Йазди (XV в.) и «Матла’ ас-са’адайн ва маджма’ ал-бахрайн» ‘Абд ар-Раззак Самарканди (1413–1488). Однако наиболее важным источником по курдской истории был, остается и будет на все времена труд основоположника курдской историографии — «Книга славы» (Шараф-наме) Шараф-хана Бидлиси (1543–1604)<sup>5</sup>. Он создал первое произведение, написанное под знаком и во имя идеи Курдистана. Источниковедческая ценность «Шараф-наме» намного шире конкретного информационного пространства XV и XVI столетий, наиболее близких автору. Шараф-хан Бидлиси, широко образованный интеллигент и политический деятель, поставил перед собой задачу по крупицам собрать воедино все известные ему сведения по истории курдов.

Около трехсот племен Курдистана названы на страницах «Шараф-наме», пятнадцати племенным сообществам и их правителям-эмирам посвящены главы книги. Это — племена хаккари, думбули, брадост, мукри, бабан, пазуки, сийях-мансур и др. Авторское введение посвящено происхождению курдских племен и их обычаям.

Из «Шараф-наме» мы узнаем, что именами могучих и известных племен назывались в стране курдов области и правившие там династии. В их числе упоминаются правители Хаккари, Сорана, Бабана, Арделана. Наименование могущественного племени бохти присутствует в названии эмирата Бохтан (курд. Ботан), или Джебзире Ботан, и реки Бохтан-су. Для Шараф-хана Бидлиси имя правящего дома, название его владений или территории княжества, наименование управляемого им племени звучали одинаково: Бохти — династия, Бохти — *vilāyat*, бохти — *‘ashīrat*. Первичным из них было название племени, одного из немногих курдских племенных сообществ, чье присутствие и участие в политической жизни зафиксированы источниками времен Халифата. Путь к власти прокладывался мощью племенного сообщества, которое оставалось опорой правящего дома, ревностно оберегая его от внешних посягательств.

Следует остановиться также на местных курдских хрониках, которыми богат Арделанский Курдистан. Во второй половине XVIII — XIX в. сформировалась школа арделанских историографов, которая расцвела в Юго-Восточном Курдистане и представлена целым рядом имен курдских авторов. К настоящему времени число выявленных историографов, живших и творивших в Арделане, приближается к десяти<sup>6</sup>. Каждая из хроник содержит россыпи ценнейшей информации по племенам Курдистана. Особо следует отметить самую раннюю арделанскую хронику Мухаммад-Шарифа Кази, а также книги ‘Абд ал-Кадира ибн Рустама ал-Бабани и Мах Шараф-ханум Курдистани (1805–1847), единственной до конца XIX столетия женщины-историка на весь регион Ближнего и Среднего Востока.

В середине XVIII в. в семействе эмиров могущественного племени думбули родился еще один курдский историк — ‘Абд ар-Раззак ибн Наджаф-Кули-хан Думбули (1762–1827/28). Его перу принадлежит «История думбулийцев» (Тарйх-и данāбиле), единственная известная в настоящее время хроника, посвященная истории отдельно взятого племенного сообщества Курдистана.

Ценная информация о курдских племенах содержится в книгах персидских историографов. Уникальные сведения по истории племени брадост, о его восстании против центральной власти Ирана представлены в «Мироукрашающей истории ‘Аббаса»

<sup>5</sup> Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Пер. с перс., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. Т. 1. М., 1967. С. 87 (далее — Шараф-наме 1967).

<sup>6</sup> Подробнее см.: Васильева Е.И. Юго-Восточный Курдистан в XVII — начале XIX в. Очерки истории эмиратов Арделан и Бабан. М., 1991. С. 5–10 (далее — Васильева 1991).

(Тарйх-и 'аламāра-йи 'Аббāси), принадлежащей перу Искандар-бека Туркмана (XVII в.).

В числе источников невозможно не упомянуть знаменитую «Книгу путешествий», или «Сийāхат-нāме», Эвлии Челеби (1611–1684/85). Автор получил первоклассное образование в школе при дворце османских султанов и объездил впоследствии всю Османскую империю, побывал в Иране и Европе. После паломничества в Мекку он выехал в Египет, где жил до конца своих дней и написал «Книгу путешествий». Тома IV и V посвящены Курдистану, как результат многократных поездок автора во владения курдских правителей.

Во все времена своей истории курдское племя служило неиссякаемым резервуаром военной энергии, которая выплескивалась через край. Из племенных сообществ рекрутировалась, по заключению М. ван Брэйнесена<sup>7</sup>, «военная каста» империй Среднего Востока, и племенные структуры снабжали их политическими лидерами. Известным тому примером является Салах ад-дин Аййуби (Саладин), который принадлежал к курдскому племени раванд из могущественного племенного сообщества хазбани.

Потребность в информации о курдских племенах и их военной мощи ощущали не только соседи, пристальное внимание уделяла курдам Европа. Информация была необходима для ориентации при общении, а главное, для использования их военного потенциала. До конца XIX столетия главным при описании племенного сообщества выступает количество семей или шатров, а также численность военных ополчений, которые могли быть выставлены в случае необходимости.

Проживая на стыке трех миров: арабского, иранского, тюркского, — курды создали свой, курдский, мир, отличающийся неповторимым своеобразием. Они владели важнейшими линиями ирано-турецкой границы. Это обстоятельство неминуемо превращало Курдистан в зону повышенного интереса политических и военных кругов в дальнем и ближнем зарубежье. Суть проблемы четко обозначил К. Дж. Рич, резидент Ост-Индской компании в Багдаде. Побывав в 1820 г. в Юго-Восточном Курдистане (эмираты Арделан и Бабан), он написал в своем дневнике: «Проявляя немного осмотрительности и миролюбия, умело используя суннитские чувства фанатичных курдов», можно «крепко привязать к себе народ, который в исключительные моменты мог склонить чашу весов в пользу власти, каковой они (курды. — *Е.В.*) отдавали предпочтение»<sup>8</sup>. Курдские эмираты и племена широко использовались европейскими державами для оказания давления на правительства Ирана и Турции, для политического шантажа.

Ценнейшие пласты информации залегают в публикациях военных и политических функционеров Европы. Век XIX и начало XX представлены значительным числом их имен. К середине XIX в. «важнейшие линии ирано-турецкой границы», или курдские области, достаточно освоены европейцами. Они уже не ограничиваются разведкой и наведением контактов, а активно внедряются в политическую ситуацию на месте, на нее воздействуют и даже формируют. Весьма интересен в этом плане рассказ М.Б. Роутона о встрече в Юго-Восточном Курдистане двух английских офицеров, которые позднее «вошли в число отцов ассириологии»<sup>9</sup>. Одним из них был Г. Роулинсон, командовавший батальоном, набранным из горанского племени курдов; вторым — А. Лейярд, возглавлявший дивизион из бахтиар, которые причисляются и сами при-

<sup>7</sup> Bruinessen 1978. P. 152.

<sup>8</sup> Rich Cl. J. Narrative of a Residence in Koordistan and on the Site of Ancient Nineveh, with Journal of a Voyage down the Tigris to Bagdad and an Account of a Visit to Shiraz and Persepolis. Vol. I. L., 1836. P. 72 (далее — Rich 1836).

<sup>9</sup> Rowton M.B. Demographic Structure and the Tribal Elite // Studia Instituti Anthropos, 28. 1976. P. 234 (далее — Rowton 1976).

числяют себя к курдским племенам. Сведения обоих авторов о ситуации в зоне племен Курдистана весьма содержательны.

Приведенный список источников и имен авторов далеко не полон. Помимо перечисленных существует еще целый ряд сочинений, информация которых по курдской истории остается не востребованной или востребована не в полном объеме.

Однако ниже, при описании горанского и кельхорского племенных сообществ, быть может, чаще, чем другие, мы будем упоминать два имени. Это — Эли Бэннистер Соун (1881–1923) и Владимир Федорович Минорский (1877–1966). Каждый из них шел в страну курдов своим путем, но эти пути в горах Курдистана пересекались неоднократно. Э.Б. Соун после возвращения из путешествия по Месопотамии и Курдистану *in disguise* руководил нефтяными разработками Англо-иранской нефтяной компании (АИНК) в Чия-Сурхе (Южный Курдистан, приграничье), В.Ф. Минорский объезжал области вдоль ирано-турецкой границы, вникая в тонкости географии и мира курдских племен.

Длившийся не одно столетие спор Ирана и Турции из-за районов приграничной полосы имеет и положительную сторону. Приграничными районами заинтересованные страны вынуждены были заниматься и тщательно их изучать. Работе разграничительных комиссий мы обязаны большей частью информации о племенных сообществах бильбас, шеккак, джаф, кельхор, горан, сенджаби и др.

Сбор информации по племенам был сопряжен с громадными трудностями, племя стремилось скрыть, утаить от постороннего глаза все стороны своего бытия. Этому научила жизнь, полная борьбы, установка на самосохранение.

При обращении к источникам прежде всего привлекает внимание их кажущаяся противоречивость. В этом нет ничего противоестественного. Каждый автор сообщает те сведения, которые удалось выяснить ему — в определенном месте, в определенное время и даже при определенных обстоятельствах. Для более раннего и более позднего периода информация могла измениться до неузнаваемости. Поэтому, ссылаясь на сведения источника, мы прежде всего указываем, к какому времени они относятся.

Скорее приблизительны, чем определены границы территории, занимаемой племенным сообществом, и его численность. Лишь руководствуясь первым впечатлением, можно сделать вывод, что каждое из «больших и малых племен» занимает определенную территорию<sup>10</sup>. В реальной действительности более или менее значительное племя всегда состояло из постоянного ядра центральных родов или рода и значительного числа родов примкнувших. М. ван Брёйнессен называет их «свободно блуждающими», которые временами действуют заодно с племенем<sup>11</sup>. Это процесс постоянный. Когда дела племени обстоят хорошо, к нему быстро присоединяются отколовшиеся части других племен или целые племенные сообщества, которые стремятся разделить его удачу. Когда удача изменяет, примкнувшие чаще всего покидают племенное сообщество.

Ф. Миллинджен, который командовал в 1860 г. подразделением турецкой армии в Северном Курдистане, основываясь на своих наблюдениях, считал, что курдское племя состоит из двух частей, которые он назвал постоянной и неустойчивой, подверженной изменениям. Постоянная часть связана с вождем, непостоянная «состоит из множества искателей приключений и дезертиров, которые примыкают то к одному племени, то к другому»<sup>12</sup>. Границы племени или племенная общность с наибольшей четкостью очевидны во время перекочевок или коллективных миграций, в случае конфронтации с другим племенным сообществом. Племена меняли места расселения

<sup>10</sup> Аристова Т.Ф. Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана // Переднеазиатский этнографический сборник. 1. М., 1958. С. 224.

<sup>11</sup> Bruinessen 1978. P. 49.

<sup>12</sup> Millingen F. Wild Life among the Koords. L., 1870. P. 283–284.

в поисках новых пастбищ или в силу причин политического характера. В XII столетии переселились курды племенного сообщества хаккари под давлением атабеков Мосула. В XVI в. на север, на границу с Ираном и Грузией османский султан переселил племя хейдеранлу, освободив его за службу в приграничной полосе от всех налогов. С аналогичной целью — охранять границу и сдерживать натиск туркмен — в начале XVII в. шах 'Аббас I переместил 15 тысяч курдов на границу Хорасана.

Границы племенного сообщества тем не менее делались неопределенными не из-за разделенности на части, постоянной и изменчивой, и даже не из-за переселений, вынужденных или добровольных. Главная причина видится в отмеченной К. Дж. Ричем особенности племенных сообществ, которую он обнаружил на территории Южного Курдистана. Ни одно из перечисляемых Ричем племен, кочевых и оседлых, не представляло собою целостной племенной единицы: «Они лишь фрагменты племен, часть которых проживает также на территории Сенне, Керманшаха, в Луристане»<sup>13</sup>. Наблюдение К. Дж. Рича представляется важнейшим для понимания всей сложности и неоднозначности проблемы численности племени и занимаемой им «определенной» территории. Эта определенность весьма и весьма приблизительна.

Вопрос о численности племени М. ван Брёйнессен<sup>14</sup> вообще отнес к проблемам, которые не поддаются реальному разрешению, поскольку в приводимые в источнике цифры наверняка могли не войти данные о каких-то группах и осколках племенных сообществ, которые рассеялись и оторвались от племени.

Численность племени точно определить невозможно, она зависит от сиюминутного состояния дел. Весьма наглядно обозначил ситуацию автор «Шараф-наме». В правление его современника, могущественного эмира племени пазуки, к племенному сообществу, по словам историка, присоединилось около двух тысяч семей кочевников из различных курдских племен, и «все возжелали примкнуть к [племеню] пазуки»<sup>15</sup>.

Присоединение новых племенных осколков, племен и племенных сообществ вносило изменения в структуру принимающего содружества: увеличивался и количественный состав, и число подразделений. Объединения-разъединения происходили постоянно, создавая трибальные созвездия, которые закреплялись или не закреплялись на политическом небосводе Курдистана. Из племенных сообществ, упоминаемых в источниках эпохи Халифата, лишь немногие присутствуют на страницах «Шараф-наме». Из названий курдских племен, упоминаемых Шараф-ханом Бидлиси, в более поздних списках также сохранилось незначительное число. Мир племен находился в непрерывном движении. Информация источника может быть воспринята адекватно лишь применительно к отдельно взятому конкретному отрезку времени и конкретному региону.

Племенная структура еще присутствует в курдском обществе, хотя племенная стадия этнического развития пройдена в отдаленнейшие от нас времена. В эпоху Шараф-хана Бидлиси, в XVI в., и за много столетий до него курдское племя не было сообществом, построенным на кровном родстве его членов. 'Ашйрат рузеки, опора дома эмиров, к которому принадлежал Шараф-хан, не был скреплен узами родства изначально и не озаботился поисками родства придуманного за шесть столетий своего существования до эпохи автора «Шараф-наме».

Попробуем собрать информацию источников и хотя бы приоткрыть дверь в удивительный, непредсказуемый, во многом загадочный мир двух курдских племен, горан и кельхор.

<sup>13</sup> Rich 1836. P. 282.

<sup>14</sup> Van Bruinessen M.M. Kurdish Tribes and the State of Iran. The Case of Simko's Revolt // The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan. L., 1983. P. 380 (далее — Bruinessen 1983).

<sup>15</sup> Шараф-наме 1967. С. 378.

Гораны представляют собой одно из древнейших племенных сообществ, проживавших и проживающих на территории страны курдов. Шараф-хан Бидлиси в предисловии к своей хронике включил горанов в число четырех частей, на которые он разделил курдские племена, руководствуясь их лингвокультурными особенностями. Лингвокультурные особенности горанов отмечены многими авторами. «По языку и по религии эти юго-восточные курды отличаются от главной массы своих соплеменников», — писал В.Ф. Минорский в 1915 г., после поездки в ирано-турецкое приграничье. В ряде публикаций горани вообще рассматриваются в отрыве от массива курдского языка в качестве одного из диалектов Центрального Ирана. В исследованиях петербургских курдоведов горани определен как один из южнокурдских диалектов<sup>16</sup>.

Оставляя вопросы, связанные с особенностями горани, на усмотрение лингвистов, остановимся кратко на употреблении названия племенного сообщества горан в качестве социального термина. В Южном Курдистане горанами называли оседлых крестьян-земледельцев, не разделенных на племена, в отличие от курдов племенных, или аширатных. Согласно К. Дж. Ричу, в начале XIX столетия взаиморазличение горанов и аширатных курдов было достаточно выраженным.

Употребление этнонима «горан» в качестве социального термина было ограничено областью Южного (Бабанского) Курдистана и обусловлено рядом факторов, связанных с социальной ситуацией в эмиратах Арделан и Бабан<sup>17</sup>. Социальный термин «горан» ушел в прошлое вместе с породившей его социально-политической ситуацией. В Южном Курдистане не объединенные в племена крестьяне называются в настоящее время широко распространенным в стране курдов термином «мискен» (букв. «бедняки»).

О диалекте горани и социальном термине «горан» мы кратко упомянули и далее можем сосредоточиться на горанском племенном сообществе: его области расселения, подразделениях, численности, укладе хозяйственной жизни, истории.

Области расселения. Примерно с XVII–XVIII вв. основная часть горанского племени оказалась сосредоточенной в Юго-Восточном Курдистане, по соседству с кельхорами и сенджабийцами. Районы его обитания находятся к западу от Керманшаха и к северу от дороги Керманшах — Касри Ширин, в горах Далаху, Риджабе, Махидеште. Горанской «столицей» и резиденцией ханов горанского племени служило селение Гахваре, ныне центр округа Горан в шахристане Шахабад, к юго-западу от Керманшаха. Его население в настоящее время составляет две тысячи человек.

Летом гораны расселялись от Сарпула до Керенда, занимали Риджаб и Махидешт, плодородную долину к западу от Керманшаха. Зимой большая часть племени спускалась на Зохабскую равнину. Отдельные ветви племенного сообщества проходили через равнину Саркаля и кочевали в Чия-Сурхе<sup>18</sup>, близ ирано-турецкой границы, и к северу от Чия-Сурха. Часть племени проживала постоянно в Махидеште.

В прошлом количественный состав горанского племени и занимаемая им территория были неизмеримо более значительными. Фактически оно расселялось по всему региону Юго-Восточного Курдистана, в областях Керманшаха, Арделана и Шахризур<sup>19</sup>. Об этом пишет арабский автор XIV в. Шихаб ад-дин ал-‘Умари: «В горах Хамадана и Шахризур находится народность курдов, называемая ал-куранийя... которая

<sup>16</sup> См., например: *Смирнова И.А., Эйюби К.Р.* Историко-диалектологическая грамматика курдского языка. СПб., 1999. С. 9–10; *Юсупова З.А.* Курдский диалект горани. СПб., 1998.

<sup>17</sup> *Васильева* 1991. С. 206–208.

<sup>18</sup> С начала XX в. англичане проводили там разработку нефтяных месторождений, и в течение трех лет (с 1911 г.) работами руководил Э.Б. Соун.

<sup>19</sup> Название области к югу от Сулеймани. В историческом плане употребляется в отношении обширной территории, включающей районы Киркука и Сулеймани и даже всего Южного (Бабанского) Курдистана.

могущественна и состоит из воинов и земледельцев. Управляет ими эмир Мухаммад»<sup>20</sup>. От гор Хамадана, столицы древней Мидии — Экбатаны, начиналась область обитания горанского племенного сообщества и уходила в не менее древний Шахризур<sup>21</sup>.

На пространстве от Шахризур до Хамадана, включая южные районы современного Иракского Курдистана, а также области Арделана и Керманшаха, расселялось племя горанов, состоявшее из хлебопашцев и воинов. Отчетливо выделяются три района обитания: юго-восточный, зохабо-керманшахский, южный, шахризурский, и арделанский к востоку от Шахризур. Население этих территорий говорило, согласно Тоуфику Вахби, на едином литературном языке — горани.

Судьба трех основных частей горанского племенного содружества, шахризурской, арделанской и зохабо-керманшахской, сложилась по-разному. В Шахризуре, одном из важнейших центров курдского сопротивления и этнокультурной консолидации, гораны, по всей видимости, перешли к оседлости. Связи с соплеменниками могли ослабеть, и начался процесс детрибализации, распада племенной структуры<sup>22</sup>. Не исключена возможность, что шахризурские гораны осели, оказавшись в подчинении у других могущественных племен, достигших пика своей политической активности. Выпадая в этой части Юго-Восточного Курдистана из племенной структуры и растворяясь в среде неаширатных курдов, гораны оставили ценнейшее культурное наследие на горани. В Шахризурском и Арделанском Курдистане он остался средством изысканного самовыражения и языком классической литературы. Лингвокультурный потенциал горанов был таким мощным, что в течение многих столетий диалект горани оказался востребованным во всем регионе Юго-Восточного Курдистана.

Тем не менее не все шахризурские гораны утратили племенную структуру. Отдельные части племени сохранились в виде небольших племенных осколков, которые вошли в состав сообщества племен бабан<sup>23</sup>.

В Арделанском Курдистане гораны сохранили племенную структуру, и на страницах арделанских хроник племенное сообщество горан зафиксировано в связи с появлением на политическом Олимпе княжеского дома Бани Арделан в XII в. Племена горан и кельхор, которые помогли основателю дома прийти к власти, проживали в Арделане задолго до этих событий. Столицей служила им могучая крепость Паланган. В дальнейшем политические пути правившего в Арделане семейства и двух племен, которые помогли ему подняться, разошлись. К концу XVII — началу XVIII в. основная масса арделанских горанов уже находилась за пределами Арделанского Курдистана, в области Зохаб. В Арделане оставались жить, по сведениям Шейх Мухаммада Мардуха Курдистани, две тысячи горанских семей — в Сенендедже, Авромане, Жаверуде, Палангане<sup>24</sup>.

Отдельные части горанского племенного сообщества смешались с другими курдскими племенами. В качестве примера того, как это происходило, сошлемся на информацию Насира Азадпура, издателя хроники Мах Шараф-ханум Курдистани. В одном из округов Арделана, Лейлахе, первоначально все жители были горанами и гораниязычными. После расселения в Лейлахе племен горге, шейх исмаили, блилу и джаф лейлахские гораны смешались с ними.

<sup>20</sup> Графически звуки «ж» и «г» в «ал-курания» и «горан» обозначались буквой «кяф». См.: *Minorsky V. The Guran // BSO(A)S. 1943, vol. 11. P. 83–84 (далее — Minorsky 1943).*

<sup>21</sup> Город Шахризур назван В. Кинэ древней столицей Курдистана.

<sup>22</sup> Сходное предположение сделал В.П. Никитин. См.: *Никитин В. Курды. Пер. с франц. М., 1964. С. 201 (далее — Никитин 1964).*

<sup>23</sup> *Sykes M. The Caliphs' Last Heritage. A Short History of Turkish Empire. L., 1915. P. 559.*

<sup>24</sup> *Шейх Мухаммад Мардух Курдистани. Тарих-и Мардух. [Б. г., б. м.] Дж. 1. С. 108 (далее — Тарих-и Мардух).*

В результате ряды горанского племенного сообщества в Арделане основательно поределли. К XIX в. оставшиеся части племени и ветви других племен, к нему примкнувшие, сосредоточились в Зохабе. Именно здесь, к западу и востоку от Керманшаха, в горах, окружавших столицу Мидии древнюю Экбатану, по всей видимости, находился очаг горанов, их исторические корни. Такая гипотеза представляется более реалистичной, нежели увязывание горанских истоков с регионом Южного Прикаспия<sup>25</sup>.

**Подразделения.** Горанскую конфедерацию племен называют самой таинственной. Много загадок таит в себе их история, трансформация состава племенных подразделений, вливание в него осколков и даже целых ответвлений других племенных сообществ. Не единожды гораны объединялись с целыми племенами.

Примерно в середине XIX в. состоялся временный союз горанского племени с племенем сенджаби, которое прибыло в Юго-Восточный Курдистан из-под Шираза<sup>26</sup>. Объединение произошло в правление деда сенджабийского главы Шер-хана, со слов которого В.Ф. Минорский записал в 1913 г. рассказ о происходившем. Уже при отце Шер-хана сенджабийцы «обособились в отдельное племя», но последствия былого объединения с горанами оказались существенными. Сенджабийцы приняли религию ахл-и хакк, которую исповедовали гораны. В состав сенджабийского племени вошла часть ответвления горанского племенного сообщества, которое называлось туфенгчи.

Временами такое объединение племен носило не столь добровольный характер. В начале XVII в. из Хошнава в Дерне и Дартанг прибыли баджиланские курды и заняли Зохабскую равнину, где смешались с местными горанами. В 1826 г., по сведениям А.А. Орлова, баджиланов прогнал из Зохаба иранский принц Мухаммад 'Али-мирза, а по мнению В.Ф. Минорского, они были вытеснены самими горанами, у которых они раньше отняли земли<sup>27</sup>.

После совместного проживания горанов и баджиланов в Зохабе горанское племенное сообщество больших изменений в своей структуре не претерпело. Иного мнения придерживался Э.Б. Соун, назвавший племя горан в Зохабе образованием от смешения курдских пришельцев из Хошнава с местной горанской конфедерацией племен.

В XVIII столетии в ряды горанского племенного содружества влились две ветви племени джаф, покинувшие Джаванруд. Это — джаф-и кадир-мир-вэйси и тайши. Они примкнули к зохабским горанам, приняли их имя (сохранив при этом и свое) и стали подразделениями горанского племени. В середине XIX в. их примеру последовали джафские ответвления калханчаги, юсиф-йяр ахмади, койик (койк), нереджи (ниреджи, наирзи) и гургкаиш (гуркаич), также присоединившиеся к горанам. Отныне они стали горанскими джафами, или «горанами по имени»<sup>28</sup>, расселились в горном районе Далаху и на Зохабской равнине и признали власть «горанского начальника» Сулейман-хана Кала-Зенджири. Через несколько лет присоединившиеся к горанам джафы переселились в Турцию, прожили около 15 лет в горах Диджайш (около Бан Хейлана) и возвратились в Зохаб к горанам. В 1913 г., по сведениям А.А. Орлова, они насчитывали 1500 домов<sup>29</sup>.

В путевых дневниках А.А. Орлова приведены названия девяти подразделений-ветвей (*дасте*) горанского племенного сообщества.

<sup>25</sup> См.: *Ментешавили А.М.* Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта. М., 1984. С. 89.

<sup>26</sup> *Орлов А.А.* Путевые дневники объезда турецко-персидской границы в 1913 г. // МИБ. 1915. С. 172, примеч. В.Ф. Минорского (далее — *Орлов 1915*).

<sup>27</sup> Там же. С. 179, примеч. В.Ф. Минорского.

<sup>28</sup> *Soane E.B.* To Mesopotamia and Kurdistan in Disguise. With historical notices of the Kurdish Tribes and the Chaldeans of Kurdistan. L., 1926. P. 224 (далее — *Soane 1926*).

<sup>29</sup> *Орлов 1915*. С. 196–197.

1. Кальхани (кгальхани)<sup>30</sup> — самая значительная и наиболее этнически выраженная ветвь, насчитывавшая до двух тысяч домов. Большинство вместе со своими ханами оставалось на Зохабской равнине и зимой и летом. Остальные постоянно проживали в Сарпуле. По сведениям В.Ф. Минорского, летом кальханийцы селились в окрестностях Гахваре. Все исповедовали религию ахл-и хакк и говорили на горани.

2. Туфенгчи, названное А.А. Орловым сильной ветвью, насчитывавшей тысячу семей. На зиму вместе со своими султанами и ханами оставались на Зохабской равнине. По сведениям В.Ф. Минорского, исповедовали суннитский ислам, согласно А.А. Орлову — религию ахл-и хакк.

3. Тайши (тайшей, таичей) — джафы. А.А. Орлов называет подразделение бедным и слабым. Насчитывало 600 домов<sup>31</sup>, на зиму уходило через равнину Саркаля в окрестности Чия-Сурха и там кочевало.

4. Кадир-мир-вэйси — джафы. А.А. Орлов назвал их слабым и бедным племенем, насчитывавшим 300 домов. По сведениям В.Ф. Минорского, племя было состоятельным и насчитывало тысячу семей. На зиму, как и тайши, уходило на северо-запад и кочевало к северу от Чия-Сурха по Кани-наму.

5. Нережи (нереджи, нерези) — джафы. Подразделение насчитывало 500 домов, на зиму откочевывало в земли баджиланов в Хызыл (к югу от Чия-Сурха) и Бан-Земин. Как и остальные горанские джафы, принадлежало к суннитам, «людям сунны и общины».

6. Бибияни (бюяни)<sup>32</sup> — подразделение, постоянно проживавшее в Махидеште. Говорило на горанийском наречии.

7. Гахваре (гахуаре). Проживали в Махидеште. К середине XX в., по А.П. Колпакову, насчитывали до 1200 семей.

8. Наирики,

9. Симани проживали в Махидеште.

Согласно сведениям Шайх Мухаммада Мардуха Курдистани<sup>33</sup>, горанское племенное сообщество состояло из шести ответвлений (*тире*): кальхани, бибияни, нережи, гахваре, кани и зенджири — и центром племени (*хаби́ле*) назван Ризху, не Гахваре.

Самыми мощными и многочисленными в представленных списках были ветви кальхани, бибияни, гахваре. Заметим, что в литературе о курдах не существует единого мнения о количестве горанских ответвлений.

Отдельные части горанского племенного сообщества входили и входят в состав других курдских племен. Согласно информации Зия Гокалпа, в середине XIX в. мы находим горанов в составе племени милли, проживавшего в Сивереке. По сведениям Азави, в области Эрбил гораны входят в союз племен дизайи.

Большой интерес у исследователей вызывали отношения горанского племенного сообщества с кельхорами, могущественным соседним племенем, которое, как и гораны, исповедовало религию ахл-и хакк. Общая вера, которая, по мнению В.Ф. Минорского<sup>34</sup>, в глазах мусульман-суннитов должна была казаться настоящей ересью, не могла не сближать два племенных сообщества. Однако единение их не связано напрямую с одной религией. Основатель веры, по сведениям М. ван Брёйнесена, начал

<sup>30</sup> В статье А.П. Колпакова, фиксирующей ситуацию к середине XX в., упоминаются две ветви, которые носят название «кальхани»: кальхани бахрами (~ 800 семей) и кальхани аспари (~ 1200 семей) — обе из Эйвана, образовались в результате разделения кальханийцев на два крыла. См.: Колпаков А.П. Курды племени гуран // СЭ. 1949, № 4. С. 178–179 (далее — Колпаков 1949).

<sup>31</sup> В списке А.П. Колпакова подразделения тайши и кадир-мир-вэйси названы одной ветвью джафов, которая насчитывает тысячу семей.

<sup>32</sup> По А.П. Колпакову, насчитывало до 700 семей.

<sup>33</sup> Тарих-и Мардух. С. 108.

<sup>34</sup> Minorsky V. The tribes of Western Iran // JRAI. 1945, vol. 75. P. 79 (далее — Minorsky 1945).

ее распространение в начале XVI в., а единение горанов и кельхоров зафиксировано арделанскими хрониками уже в XII столетии. Когда основателем дома Бани Арделан была востребована их помощь и поддержка для прорыва во власть, оба племени проживали в Арделанском Курдистане по соседству. Соседство было тесным настолько, что крепость Паланган в одних хрониках именуется горанской столицей, в других — столицей кельхоров.

Глава третьего раздела «Шараф-наме», посвященная правителям кельхоров, имеет примечательные вступительные слова. «И ашират их (кельхоров. — *Е.В.*) называют горан»<sup>35</sup> — фраза, не разгаданная до сих пор. Наиболее корректным представляется заключение М. ван Брёйнесена: что бы это ни означало, слова курдского историографа подтверждают длительно существующую связь между племенами горан и кельхор, а «не простое властвование одного над другим»<sup>36</sup>.

Племенные сообщества связывала многовековая дружба. В какие-то периоды, и не единожды, они могли выступать и как союз двух племен, которые оставались при этом равными. Главы горанского племенного сообщества не были кельхорами, хотя и вступали с кельхорскими лидерами в браки. Горан трудно назвать «горанской секцией племени кельхор», как именует его С.Х. Лонгригг, автор капитального труда по истории областей, составляющих современный Ирак.

Дружественно-союзнические отношения горанов и кельхоров не есть доказательство того, что в образовании горанского племени существенная роль принадлежит кельхорам, принявшим название горан<sup>37</sup>. Чтобы составлять племенное содружество, племенам горан и кельхор не нужно было ни друг от друга происходить, ни друг в друга превращаться, как это случается с ними на страницах отдельных публикаций<sup>38</sup>. Необходимо было лишь стремление к объединению.

Чтобы быть единым племенным сообществом, для самого 'аширата горан также не были обязательными единство происхождения, общность языка и веры. Он состоял из нескольких ответвлений: одни образованы настоящими горанами, другие — «просто южными курдами». Первые исповедовали религию ахл-и хакк, вторые были правоверными мусульманами-суннитами. При этом, как заключает В.Ф. Минорский<sup>39</sup>, «ассоциация пребывала в совершенно добрых отношениях».

Численность. Количественный состав племени определяли по-разному, и разница в этих исчислениях весьма значительна. А.А. Орлов и П.И. Аверьянов называли при этом 10 тысяч семей, Шейх Мухаммад Мардух Курдистани — шесть тысяч домов и Фидд — пять тысяч. Согласно В.П. Никитину, гораны вместе с джафами (горанскими джафами. — *Е.В.*) составляли десять тысяч семей. К середине XX в. племя насчитывало 6500 домов<sup>40</sup>.

Уклад хозяйственной жизни горанского племени определяется неоднозначно. Согласно «Тарих-и Мардӯх», в отличие от других курдских племен кочевников и скотоводов гораны занимаются сельским хозяйством. По П.И. Аверьянову, они оседлы большей частью. В.Ф. Минорский также отмечает, что гораны и родственные им племена — превосходные садоводы и земледельцы. Этот факт, по его мнению, указывает на давнюю культурную традицию<sup>41</sup>. Ф. Чернозубов относит горанов к кочев-

<sup>35</sup> Шараф-наме 1967. С. 408.

<sup>36</sup> *Van Bruinessen M.M. Agha, Shaikh and State. The Social and Political Structures of Kurdistan. London-New Jersey, 1992. P. 131 (далее — Bruinessen 1992).*

<sup>37</sup> *Никитин 1964. С. 262.*

<sup>38</sup> См.: *Васильева 1991. С. 161.*

<sup>39</sup> *Minorsky 1945. P. 79.*

<sup>40</sup> *Колпаков 1949. С. 178.*

<sup>41</sup> *Minorsky 1945. P. 79.*

никам: «Курдские кочевники Керманшахской провинции делятся на два больших *иля*: кельхор и горан и, кроме того, на несколько *тайфе*»<sup>42</sup>.

В различных районах обитания ситуация могла складываться по-разному, однако при этом часть племени, по всей видимости, всегда кочевала, а часть вела оседлый образ жизни, занимаясь земледелием. К началу XX столетия примерно половина горанского племени, по заключению М. ван Брэйнесена, занималась кочевым скотоводством, «так что в прошлом они были, возможно, больше кочевыми горанами, нежели оседлыми». Кочевниками были кальханийцы, оседлыми — туфенгчи, а большая часть занимала промежуточное положение, будучи и земледельцами, и скотоводами.

На зиму гораны со своими стадами спускались в более теплую зону, в Зохабскую долину и располагались на ней и к западу от нее. Откочевывали до Ханекина и Баакубы, в долину Саркале, в районы Кани-нам, Чия-Сурх вдоль ирано-турецкой границы. Чередование широких плодородных долин с высокогорными пастбищами позволяло совмещать усилия кочевника-скотовода и земледельца, минуя их традиционное соперничество.

Об истории племени известно немного, хотя ни горанов, ни их язык нельзя назвать обойденными вниманием исследователей.

Племя горан называют одним из древнейших в Курдистане, однако самая ранняя информация источников о горанах относится к X в. В X столетии состоялся прорыв на политический Олимп горанской династии Хасанвайхидов (959–1015).

В первом разделе «Шараф-наме», посвященном правителям Курдистана, «которые вознесли знамя султаната и которых историки отнесли к государям», есть глава вторая «о правителях Динавара и Шахризура, поименованных Хасанвайхидами». Хасанвайхиды в посвященной им главе горанской династией не называются. О том, что они были горанами, мы узнаем не из названного раздела, а из главы четвертой раздела третьего «Шараф-наме», «о правителях Брадоста».

«Да не останется скрытым, — писал Шараф-хан Бидлиси, — что правители [племени] брадост происходят из племени горан и, согласно наиболее достоверной традиции, от сыновей Хилала ибн Бадра Хасанвайха, что были правителями Динавара и Шахризура»<sup>43</sup>. Сообщая эту информацию, Шараф-хан Бидлиси ставит знак равенства между Хасанвайхидами и горанами.

По заключению В.Ф. Минорского, племенное сообщество горан служило оплотом Хасанвайхидов<sup>44</sup>. Их столица — город Динавар — находилась к северо-востоку от Керманшаха, между Керманшахом и Хамаданом. Владения Хасанвайхидов идентичны области проживания горанов, какой ее обозначил в XIV столетии египетский ученый Шихаб ад-дин ал-Умари: от гор Хамадана до Шахризура.

Гораны Хасанвайхиды владели значительной территорией, помимо Динавара и Шахризура в нее входили Хамадан и Нехавенд. Столицей Хасанвайхидов называют как город Динавар, так и могучую крепость Сармадж к югу от Бисутуна. По всей видимости, Сармадж служила резиденцией правящего дома, и в географическом словаре Йакута она названа городом между Хамаданом и Куджистаном, принадлежащим Бадру ибн Хаббивайху Курду. Имя Хасанвайха подверглось в изложении Йакута незначительной трансформации, но вполне узнаваемо.

Бадру ибн Хасанвайху принадлежала территория еще более значительная, чем его отцу, основателю династии. «Все крепости, горы и равнины от Динавара до Ахваза, Хузистана, Боруджирда, Асадабада и Нехавенда принадлежали ему», — читаем мы

<sup>42</sup> Чернозубов Ф. Страна Льва и Солнца. Арделян или Персидский Курдистан (Краткий географический очерк по персидским и армянским источникам) // ВС. 1913, № 18. С. 166.

<sup>43</sup> Шараф-наме 1967. С. 344–345.

<sup>44</sup> Minorsky 1945. P. 79.

в «Шараф-наме». Согласно К. Каэну, в его владения входили Кармасин (Керманшах), Хулван и Шахризур<sup>45</sup>. Династия заявила о своем независимом статусе чеканом собственной монеты. В нумизматических изданиях зафиксированы монеты, отчеканенные в правление Бадр ибн Хасанвайха, на них присутствует имя второго государя курдской (горанской) династии Хасанвайхидов.

Падение Хасанвайхидов не могло не сказаться на судьбе горанского племенного сообщества. Для целого шахризуро-керманшахского региона исчезло объединяющее начало, которое олицетворяли Хасанвайхиды. Возможно, в результате этих событий и наметилось деление горанского племени на три части: шахризурскую, арделанскую и зохабо-керманшахскую, судьба которых складывается по-разному.

Шахризурская часть стала постепенно переходить к оседлости и подверглась детрибуализации (не полностью). В Арделанском Курдистане гораны вместе с кельхорами укрепили свои позиции. В XII столетии их помощь и военная поддержка были востребованы основателем княжеского дома Бани Арделан. По сведениям Шараф-хана Бидлиси, основатель династии жил среди горанов, согласно Хусраву ибн Мухаммаду, «стал правителем горанов Палангана», а по убеждению Абдаллаха Мардуха, принадлежал к племени горан<sup>46</sup>. Керманшахская ветвь горанского племени постепенно стала главенствующей.

Переломный момент, во многом определивший политическую ситуацию в регионе Юго-Восточного Курдистана, а также судьбу и взаимоотношения трех крупнейших племен: джафов, горанов и кельхоров, — просматривается в первой половине XVII столетия. Обусловлен он исходом очередного ирано-турецкого военного противостояния и заключением договора 1639 г. Его заключил в Зохабе султан Мурад IV, вместе с которым в Зохаб «из-под Мосула» прибыли баджиланы, еще одно крупное курдское племя. Вытеснить оттуда горанов они не смогли, а лишь утеснили их. В самом начале XIX в. баджиланы, ставшие к тому времени в результате близкого проживания с горанами гораноязычными и адептами религии ахл-и хакк (частично), были изгнаны из Зохаба. Правителями области, как и раньше, стали главы горанского племени. По словам В.П. Никитина, они правили в своей столице Гахваре и пользовались большим влиянием.

О судьбе арделанских горанов и о том, как складывались отношения княжеского дома Бани Арделан с горанским племенем с XII и до середины XVIII в., не сообщает ни один из местных хронистов. Лишь в «Зубдат ат-тавāрих-и Сенендедж» удалось обнаружить упоминание, относящееся к середине XVII в. По свидетельству Мухаммад-Шарифа Кази, арделанский эмир Калб-‘Али-хан назначил Сафи-хан-султана Горана правителем Джаванруда и племени джаф.

Кроме факта присутствия племени горан у колыбели княжеской фамилии и краткого упоминания в хронике Мухаммад-Шарифа Кази, из текста локальных хроник можно извлечь сведения о горанах, относящиеся уже ко второй половине XVIII — XIX в. Несоответствие между значительностью роли, которую горанское племя играло в истории княжеского дома, в культурной жизни региона Юго-Восточного Курдистана, и скудной информацией о нем местных хроник остается непонятным. Несомненно одно: в XVIII–XIX вв. гораны, основная часть которых сосредоточилась

<sup>45</sup> Cahen Cl. Hasanwayh // *Et*, vol. III. P. 258.

<sup>46</sup> *Mardukh Abdollah*. Contribution à l'étude de l'Histoire des Kurdes sous la dynastie Ardelān du XVI<sup>e</sup> siècle au XIX<sup>e</sup> siècle. Thèse de doctorat. P., 1988. P. 146. См. также: Шараф-наме 1967. С. 146; *Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан*. Хроника (История княжеского дома Бани Ардалан). Факс. рук., пер. с перс., введ. и примеч. Е.И. Васильевой. М., 1984. Л. 46 (далее — *Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан* 1984). Укажем на немаловажный в этом плане факт, замеченный и отмеченный В.Ф. Минорским, что ответвление секты ахл-и хакк считало Хан Ахмад-хана Бани Арделана (первая половина XVII в.) одним из божественных воплощений (см.: *Minorsky* 1943. P. 93).

в районе Зохаба–Керманшаха, обладали значительным военным потенциалом, принимали активное участие в политической борьбе и выступали уже в лагере противников дома Бани Арделан.

В середине XVIII в. гораны поддержали политические притязания Имам-Кули-хана Зенгене, который «собрал огромное войско из племен и *илей* зенгене, кельхор, горан и других *тайифе* и *хашамов*» и напал на Арделан<sup>47</sup>. В начале XIX в. сторонника и союзника в лице главы горанского племени обрел вождь джафов Бахрам-бек после ссоры с Арделанами. Когда арделанский правитель решил устранить и наказать Бахрам-бека, тот незамедлительно присоединил свои племена к горанам и кельхорам<sup>48</sup>. Затем последовало сражение, разгром войска джафов и их союзников.

Поведение племен горан и кельхор в обоих случаях отличала готовность поддержать и присоединиться к акции, направленной против дома Бани Арделан. Что стояло за такой готовностью горанов поддержать противников княжеского дома, пока можно лишь строить гипотезы. Арделаны, которые пришли к власти с помощью горанского племени, могли в дальнейшем пренебречь его опекой. Их политические пути разошлись, и последовал постепенный исход горанов из Арделана на юг, в Зохаб и Керманшах.

К концу XIX — началу XX в. власть вождей горанского племени ослабела. Верховный вождь, их «главный начальник» Хусейн-хан Сардари Му'аззас, жил в Гахваре, но не пользовался, по свидетельству А.А. Орлова, «авторитетом над племенем»<sup>49</sup>. Ответвления племенного сообщества совершенно не считались с приказами верховного вождя, и своей самостоятельностью и самовольством особенно отличались кальханийцы. Имея право на охрану дороги Ханекин — Касри Ширин, они обложили караванщиков такой данью, что движение по этому пути, по словам А.А. Орлова, почти прекратилось. Караваны стали передвигаться по кельхорской территории.

Во время Первой мировой войны гораны приняли участие в совместных с кельхорами карательных акциях против сенджабийского племени. По мнению ряда авторов (Курд Оглу, А. Касемлу, Л.Н. Котлов), эти акции были инициированы англичанами, которые хотели обеспечить безопасность разрабатываемых ими нефтяных месторождений. Эти столкновения не помешали горанскому ответвлению кальхани, сенджабийцам и кельхорам во время движения Исма'ил-аги Симко объединиться в организованный и боеспособный союз, готовый прийти на помощь повстанцам. В 1945 г. часть горанского племени, проживающая в Ираке в районе Акры, поддержала барзанийское движение.

Горанское племя привлекательно своей неординарностью. «Древнее и прославленное», изученное, по словам Э.Б. Соуна, лучше всех курдских племен<sup>50</sup>, оно до сих пор остается и самым загадочным — племя, диалект которого на столетия стал литературным языком целого региона Юго-Восточного Курдистана.

В районе Сулеймани найденны стихи на горани, относящиеся к VII в.<sup>51</sup> Такая рукопись не была единственной, без сомнения. Существует целый пласт литературы на горани из поэм эпических и лирических. Однако судьба манускриптов в Курдистане повторяла судьбу создавшего их народа. Рукописи горели в огне бесконечных пожаров, не доходили до последующих поколений, которым предназначались.

Горани — реликт древней культуры. Мнение В.Ф. Минорского, главного авторитета по ранней курдской истории, на этот счет однозначно: предки курдов —

<sup>47</sup> *Мах Шараф-ханум Курдистани*. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). Пер. с перс., введ. и примеч. Е.И. Васильевой. М., 1990. С. 91 (далее — *Мах Шараф-ханум Курдистани* 1990).

<sup>48</sup> *Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан* 1984. Л. 946.

<sup>49</sup> Орлов 1915. С. 184.

<sup>50</sup> *Soane* 1926. P. 381.

<sup>51</sup> *Рашид Сабри Рашид*. Современная этноконфессиональная ситуация у курдов. Канд. дис. Л., 1988. С. 32.

мидийцы, и в основе общности их (курдов) культуры, в особенности курдского языка, лежит общая мидийская база<sup>52</sup>. Курдские диалекты горани и авромани несут в себе ценнейшую историческую информацию. Языковой материал, по заключению И.М. Дьяконова, должен стать историческим источником<sup>53</sup>, который, возможно, приведет нас именно в древнюю Мидию.

Особый интерес вызывает исповедуемая горанами религия ахл-и хакк. Ее адептов называют не иначе как «экстремистской шиитской сектой», экстремистской настолько, что «имеет с исламом очень мало общего»<sup>54</sup>. Отмечается конспиративность секты и ее малая изученность. По сведениям М. ван Брёйнесена, основана она была в XIV в. Султан Зохаком (Сохакком), чей отец прибыл из Хамадана в Авроман. Там и начал распространять свое учение Султан Зохак, но авроманцы не вяжи его призывам и остались ортодоксальными суннитами, и основатель новой религии переместился в Зохаб. Его могила — главная святыня горанского племени — находится близ их столицы Гахваре, недалеко от места впадения священной для ахл-и хакк реки Ташар в Сирван.

Кельхор считается самым крупным и мощным племенем Юго-Восточного Курдистана. Древнее, насчитывающее тысячелетия исторического прошлого, оно уходит своими корнями к истокам курдского этноса. Согласно Шараф-хану Бидлиси, кельхор — одна из четырех лингвокультурных групп в составе курдов.

Область расселения кельхорского племени определяли по-разному: одни расплывчато и неконкретно, другие же перегружали мелкомасштабной конкретикой. Наиболее лаконичное определение — «живут между Багдадом и Керманшахом».

Кельхоры и Кельхористан<sup>55</sup> соседствуют с джафами на северо-западе, с лурами и бахтиарами — на юге, с горанами и сейджабийцами — повсеместно. В прошлом в некоторые периоды кельхоры и гораны составляли единое племенное сообщество, поэтому целый ряд районов заселен и кельхорами и горанами.

Исконно кельхорские округа Гилян (центр Кельхористана), Керенд, Зохаб, Махидешт, Сумар, согласно существующему административному делению, входят в шахристаны Керманшах, Шахабад и Касри Ширин пятого остана в Иране. Территория обитания кельхоров плавно перетекает через ирано-иракскую (до 1920 г. ирано-турецкую) границу и простирается от иранского Зохаба до Мендели в Ираке.

В более отдаленные времена кельхоры проживали на значительно большей территории. До XVII столетия они жили в долинах Шахризура как исконные обитатели этой области в числе «дюжины других курдских племен», перечисленных С.Дж. Эдмондсом<sup>56</sup>. Скотоводческие секции этих племен обычно проводили зиму к югу от Кара-Дага в Гиле и Сангаве, а на лето отбывали в персидское высокогорье между Сенне и Саккызом. Заметим при этом, что М.Б. Роутон объединяет Шахризура-Зохабский массив в единое целое — «еще один важный пастушеский анклав».

Джафы после своего массового переселения на запад (XVII в.) вытеснили кельхоров из Шахризура. В начале XIX столетия, согласно К.Дж. Ричу, в районе Сулеймании кочевали лишь двести кельхорских семей, доходя до Авромана.

Районы проживания кельхоров зафиксированы в Багдадском *аййлаате*, в окрестностях Киркука, Ханекина и Мендели, на левом берегу Тигра. В середине XIX в. Е.И. Чириков встречал палатки кельхорских курдов в долине Асамабад в Луристане. Об их проживании в стране лулов свидетельствуют и другие авторы.

<sup>52</sup> См.: Bruinessen 1992, P. 115, 116, 121.

<sup>53</sup> Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.—Л., 1956. С. 56–70.

<sup>54</sup> Bruinessen 1992, P. 130.

<sup>55</sup> Такое наименование территории кельхорского племени принадлежит автору «Шараф-наме». Оно свидетельствует о давней взаимосвязанности племени и территории его обитания.

<sup>56</sup> Edmonds C. J. Kurds, Turks and Arabs. Politics, Travel and Research in North-Eastern Iraq 1919–1925. L., 1957. P. 142.

Ответвления кельхорского племени расселялись также в южной части Арделанского Курдистана, однако отмеченные в источниках и литературе XIX в. места проживания кельхоров в Арделане несопоставимы с масштабами их присутствия в данном регионе во времена утверждения дома Бани Арделан на правление в XII в. и в период, тому предшествовавший.

На территории Арделанского Курдистана, в Палангане правила одна из ветвей кельхорской династии, которой посвящена глава в хронике Шараф-хана Бидлиси. Кельхоры сотрудничали с племенем горан и выступали с ним во всех военных и политических акциях единым фронтом. Два могущественных племенных сообщества до прихода к власти прародителя династии Бани Арделан были полновластными хозяевами в регионе Арделанского Курдистана (см. выше). После прихода к власти Арделаны постарались избавиться от кельхоро-горанской опеки (с чьей помощью приход к власти состоялся), а возможно и от их присутствия. При описании событий конца XVII — XIX в. арделанские хронисты дают понять, что в основной своей массе племена кельхор и горан находились за пределами владений княжеского дома Бани Арделан. К началу XX столетия кельхорское племенное сообщество, как четко сформулировал С.Х. Лонгригг, занимало «свою настоящую площадь из остатков обширной былой территории». Подробнейшая характеристика этой сократившейся территории проживания кельхоров, или Кельхористана, каковым его увидел А.А. Орлов в 1913 г., дана в его дневниках поездки вдоль ирано-турецкой границы.

Кельхористан, в особенности его юго-западная часть (окрестности Касри Ширин и Керманшаха), богат нефтью. Нефтяная река (Нафт-су или Аби Нафт), Нефтяная крепость (Калаи Нафт), Нефтяная площадь (Нафт-майдан), Нефтяная гора (Кухи Нафта-лук), округ Нафт-мукатаасы, плато Сардари Нафт и т.д. — даже географические названия Кельхористана «пропитаны» нефтью. В судьбе кельхорского племени, как и в судьбе всего Южного Ирана, нефти было суждено играть определенную роль.

Подразделения. Целый ряд авторов отмечали две основные ветви, или *tāiife*, кельхоров — Мансури и Шахбази. Своим поименованием они были обязаны, как писал Хуршид Эфенди, «каким-то Мансуру и Шахбазу и составляли прежде один народ под общим именем Кельхур. Но потом он разделился на две части, из которых одна названа была Мансури, другая — Шахбази»<sup>57</sup>.

Два названных персонажа<sup>58</sup> были вполне реальными историческими личностями (родными братьями) и управляли кельхорскими *ахшāмами* и *улусами*<sup>59</sup> «на правах соучастия», на паритетных началах. В 1593/94 г. Мансур убил брата Шахбаза и возглавил все *ахшāмы*, и «ныне, — писал Шараф-хан Бидлиси три года спустя, — ему принадлежит неограниченная власть над тем народом». Наместникам османских султанов и эмиру эмиров Багдада он демонстрировал «полную покорность и смирение» и всех превосходил несметными богатствами и казной.

Сторонники двух братьев не могли не разделиться и составили впоследствии два подразделения кельхорского племенного сообщества, которые сохранились до настоящего времени. При всей перемешанности их мест проживания взаиморазличение сохранилось. Однако ни во времена Шараф-хана Бидлиси, ни в последующие столетия подразделения кельхорского племени не ограничивались названными двумя ответвлениями. Относительно их числа мнения источников расходятся. В. Берар в 1912 г. писал о наличии 15 больших кланов, из которых каждый делился на 28 небольших.

<sup>57</sup> Хуршид Эфенди. Сияхет-намэ-й-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе (1846–1852). Пер. с тур. и перс. М.А. Гамазова. СПб., 1877. С. 144.

<sup>58</sup> См.: Шараф-наме 1967. С. 367.

<sup>59</sup> Большая часть «аширатов и племен» кельхорского племенного сообщества, по свидетельству автора «Шараф-наме», именовались *ахшāмами* и *улусами* — вместо термина «ашират», который в Курдистане представляется наиболее предпочтительным повсеместно.

Большинство источников свидетельствует о наличии 25 ветвей и множества мелких ответвлений.

Могущественное кельхорское племя находилось под началом многочисленных вождей, во главе всех племенных подразделений стоял верховный вождь *ильхъан*. Однако ситуация с верховным вождем во многом определялась личностным фактором. Племя кельхор не имело рода наподобие дома джафских Бегзаде, который выступал носителем верховной власти в племенном сообществе джаф. В первом десятилетии XX в. кельхорское племя возглавил Дауд-хан, по свидетельству Э.Б. Соуна, «бывший торговец вразнос». Это не помешало ему стать могущественным главой могучего племени и независимым правителем всей кельхорской территории, от Керманшаха до турецкой границы. Он основательно потеснил племя горан и подчинил небольшие племена.

Перечень 25 подразделений кельхорского племени содержится в дневниковых записях А.А. Орлова, до поездки которого, по словам В.Ф. Минорского, область кельхоров оставалась «полнейшей terra incognita».

Ответвления кельхорского племени, указанные А.А. Орловым, насчитывают 25 названий: гиляни, ширекя, халавани<sup>60</sup>, халиди, пирекя, али-ризавани, ритаван, каучеи, аул (абдул) мамеи, сия-сия, сеид-риза, хамман, равэнд, куляпа, керга, мениши, калькуш, шияни, зивери, кучими, каладжи, харунабади, беягуи, черзевери, ланаван.

Часть этих ответвлений имела постоянные зимние становища и летние пастбища. Некоторые, по словам А.А. Орлова, обеднели, потеряли скот и землю и нанялись в пастухи, поступали на службу. Подразделение Хаман (у Орлова: Хамман) В.Ф. Минорский называет ханским родом, однако указание на его верховенство в отношении всех глав кельхорского племенного сообщества отсутствует, и приравнять его к дому джафских Бегзаде нет оснований.

Приведенный список не полон, вне всякого сомнения, и лишь отчасти отражает количество и состав подразделений кельхорского племени. Кроме того, его отдельные части входили в состав других племен Курдистана, Бахтиарии и, возможно, Луристана. Осколок кельхорского племени составил райиятный род, по сведениям О.Л. Вильчевского, в составе мангуров, которые, в свою очередь, входили в состав бильбасского племенного сообщества. В середине XIX в., согласно Хуршиду Эфенди, отколовшаяся часть кельхорского племени составляла *тâифе* мангурского подразделения ка-дервиши.

По сведениям М.А. Заки, кельхорское ответвление вошло в состав племени сурамери, проживающего в районе Ханекина, и составило один из его родов. В середине XIX в. 20 тысяч кельхоров влились в содружество бахтиарских племен и составили одно из его подразделений. 200 кельхорских семей вошли в состав джафского племени.

Численность кельхорского племени определяется по-разному, существует значительный разброс мнений и цифр. Самую высокую цифру приводят Г. Роулинсон и П. Лерх — 20 тысяч семей. Половина из них, по заключению Роулинсона, проживала в Зохабе, вторая половина осела в различных частях Персии, но «возвращается в Загросские горы», чтобы провести хотя бы часть года на своей исторической родине. Самая низкая численность кельхоров, в 5 тысяч семей, указана В.А. Гордлевским для Керманшаха и Д.Н. Керзоном для области между Зохабом, Пошткухом и Касри Ширин. Заметим, что П. Максимович-Васильковский определял численность кельхоров

<sup>60</sup> Халаван — курдское название древнего города Хулвана, на месте которого находится Сарпул-и Зохаб, центр района Зохаб. Наименование подразделения халавани можно истолковать как «потомки тех, кто проживали в городе Хулване». Согласно ал-Йа'куби, в VII в. курды составляли большую часть населения городов Хулван и Кармасин (Керманшах). Можно с уверенностью утверждать, что в Хулване кельхоры проживали. На то указывает название подразделения кельхорского племени.

только одного района Махидешт в 12 тысяч домов. Согласно Шейх Мухаммаду Мардуху Курдистани, в округах Касри Ширин, Керенд, Махидешт и Харунабад проживало примерно 10 тысяч кельхорских семей и 200 семей в Арделанском Курдистане, округа Хорхоре и Саккыз<sup>61</sup>.

Части кельхорского племени были разбросаны по Керманшахской провинции попеременно с горами, сенджабийцами, джафами и лурами. Более 8 тысяч кельхорских семей проживали в Багдадском *аййлате*, 500 семей — в Хое (Азербайджан).

**Уклад хозяйственной жизни.** Целым рядом авторов кельхоры названы кочевым племенем. «Кочевники, проживающие вдоль иранской границы», «ведут вполне кочевой образ жизни, перекочевывая из Ирана в Турцию и обратно», «не признавая ничьей власти, обитают в горах» — таков довольно распространенный стереотип определения хозяйства и образа жизни кельхорского племени.

В реальной действительности на территории, занимаемой кельхорами, как и во всей стране курдов, существовали все условия для занятий кочевым скотоводством и земледелием. Плодородные равнинные земли с множеством рек и речушек, берущих начало в горных частях области, чередовались с богатейшими пастбищами на склонах гор. Согласно Э.Б. Соуну, большинство кельхоров вело кочевой образ жизни и занималось разведением скота, что не мешало им производить хлеб в таком количестве, что третью часть его продавали в Керманшахе.

Деревни и деревушки представлены в Кельхористане в значительном количестве. Область, населенная кельхорами, находится на торговом пути из Багдада в Керманшах, и караванный путь пролегал через кельхорские долины Гиляна, Кифраура, Махидешта. Дорога из Багдада в Керманшах в этих округах была буквально облеплена деревнями с обеих сторон. Преобладали крупные поселения, насчитывавшие от 100 до 350 жителей.

Согласно Г. Филду, из общего числа кельхорских семей, которое он определяет в 10 тысяч, 3400 (семь племенных подразделений) были кочевниками, 2500 (11 подразделений) оседлыми и 4100 семей (восемь подразделений) состояли из кочевников и оседлых<sup>62</sup>. Миграционный путь кочевых кельхоров пролегал по караванному тракту Багдад–Керманшах. Зимовали на равнинах Зохаба и Касри Ширин, переходили через границу с Турцией, откочевывали до Ханекина, Казание и Джесана, селились к югу от Мендели и Бедре. Тысячи кельхорских семей в зимний период для прокорма своих стад расселялись в пограничном округе Сумар.

Изменить веками откорректированный миграционный путь кочевников-скотоводов для официальных властей Ирана и Турции было практически невозможно. Обработка земли в этом плане создавала меньшие трудности. Как рассказывает А.А. Орлов, последняя попытка кельхоров обработать поля в Сумарской долине была предпринята лет за пять до его приезда в 1913 г. Хлеб посеяли, зерно созрело, а когда его наполовину сжали, из Багдада прибыл батальон солдат в сопровождении тысячи добровольцев из лурских и арабских приграничных племен. Волонтеры вывезли хлеба столько, сколько смогли, остальное облили нефтью и сожгли. Кельхорских хлеборобов буквально выдавили из приграничной полосы. В результате хлеб предпочитали выращивать на летовьях Гиляна, в округе Говавер. В одном Говавере было около сотни летних пастбищ, где пасли свои стада и возделывали землю около 1200 кельхорских семей. После сбора урожая и засыпки зерна на зиму отправлялись в теплые края приграничья, в Сумар. Многие кельхоры-кочевники предпочитали проводить лето в горах Луристана, к северо-западу от Пошткуха.

<sup>61</sup> Д.Н. Керзон указывает численность в 300 шатров только для кельхоров Саккыза.

<sup>62</sup> Field H. Contribution to the Anthropology of Iran // Anthropological Series. Field Museum of Natural History. Vol. 29, № 1–2. Chicago, 1939. P. 44.

Для Кельхористана отдаленного прошлого (он значительно превосходил размеры территории кельхорского племени в последующие столетия) характерно своеобразное сочетание кочевого, полукочевого и городского образа жизни. Город и Племя стояли почти рядом. В областях, заселенных кельхорами и горами, города на сравнительно близком друг от друга расстоянии появлялись со времен глубокой древности. Город Керманшах, построенный в эпоху Сасанидов, был заселен почти исключительно курдами. К северо-востоку от него располагался Динавар, столица курдской (горанской) династии Хасанвайхидов (X–XI вв.). Из курдских трайбсменов, в числе которых не могли не находиться кельхоры, состояло в основном, по свидетельству Хамдаллаха Мустауфи Казвини, население старинного города Нехавенда, который находился в 130 км к востоку от Керманшаха. Курды, согласно ал-Йа'куби, составляли в первой половине VII в., как упоминалось выше, большую часть населения древнего Хулвана.

Шараф-хан Бидлиси ставил знак равенства между «вилайетом Хулван» и областью Дартанг, где в его время правила семья эмиров кельхорского племени. Напомним, что «хулванцами» (халавани) называлось одно из его подразделений. Область Хулвана и Хамадана считается идентичной территории древней Мидии, или Мадая. Таким путем мы подошли к истокам курдского этноса, к горнилу, где выковывались и обретали жизнь племена и народы Междуречья и Ирана.

Город Хулван одним из первых принял на себя удары арабского войска в 637 г., а через несколько лет дал пристанище последнему сасанидскому государю. Хулванские курды отличались непокорностью, и Са'аду ибн Хусайну ал-Йаману, назначенному правителем Хулвана, гарантировалось значительное ежегодное вознаграждение за то, чтобы он держал местных курдов в повиновении. Два столетия спустя население Хулвана состояло уже из курдов, арабов и персов, а еще через четыре века город, по одним сведениям, лежал в развалинах, по другим — оставался необитаемым. В Кельхористане прошлого большие города соседствовали с кочевниками. В большей части Западной Азии, как заметил М.Б. Роутон, цивилизация имела тенденцию колебаться между двумя этими крайностями<sup>63</sup>.

Через земли кельхорского племенного сообщества проходил торговый путь, связывавший Иран с Турцией. С давних времен он способствовал разложению замкнутого натурального хозяйства племени и вовлечению его в товарно-денежные отношения. Кельхоры активно занимались обработкой продукции скотоводческого хозяйства и вывозили ее на рынок. Некоторые подразделения кельхорского племени практиковали кустарную добычу каменного угля, а уже в начале XX в. успешно трудились на промыслах АИНК в районе Касри Ширин.

**История племени.** Уже по одному тому, в какие глубины исторического прошлого курдского этноса погружена история кельхорского племени, очевидно, что ее исследование прояснит многое.

Керманшахские кельхоры названы Г. Роулинсоном самым древним из племен Курдистана. Расселение кельхоров в Керманшахской области невозможно увязать с аббасидским халифом Харун ар-Рашидом (786–809), который, согласно преданию, поселил их в этой провинции, и в честь него благодарные кельхоры называли Харунабадом городок между Керманшахом и Керендом. Кельхорское племя обосновалось и в регионе Керманшаха, и в Арделанском Курдистане и Шахризуре задолго до эпохи знаменитого халифа.

В XII столетии, когда родоначальник дома Бани Арделан появился в Арделанском Курдистане, кельхоры вместе с горанским племенным сообществом держали область под своим полным контролем. Их столицей служила неприступная крепость Паланган, которая станет одной из резиденций княжеской семьи. Там, среди кельхоров и горанов

основатель династии обрел, по данным арделанских хронистов, «подобное положение». Дом Бани Арделан будет находиться на вершинах политического Олимпа до 1284 г.х. (1867/68), но отношения с племенами кельхор и горан у него явно не сложились.

На вопросе о содружестве кельхоров с горанами мы подробно останавливались выше, при описании истории горанского племени. Их связывали несомненно тесные, особые отношения, которые во многом определяли социально-политическую ситуацию в Юго-Восточном Курдистане. Время от времени они выступали единым блоком. Объединительные акции, предпринимавшиеся племенами кельхор и горан, породили у исследователей множество гипотез и фантазий<sup>64</sup>. Особой фантастичностью и надуманностью отличается вопрос, кто в кого при этом превращался, а также кто от кого в конечном счете произошел: гораны от кельхоров или кельхоры от горанов? Реалии социальной жизни мира курдских племен при этом начисто забывались. Потребности в таинственных превращениях типа «горанизации»<sup>65</sup> или «кельхоризации» просто не было, как не было необходимости одному племенному сообществу обязательно происходить от другого. Объединения в единый блок были подсказаны политической ситуацией и являлись способом защиты и самосохранения.

Впоследствии кельхоры и гораны выступают как самостоятельные племенные единицы. Однако почти во всех случаях, когда в арделанских хрониках упоминаются оба племени, их имена стоят неизменно рядом, и в описываемых политических коллизиях они находятся всегда по одну сторону баррикад. Единая политическая линия объяснима не только отношениями элементарного добрососедства. За нею давняя историческая традиция и сложная, неоднозначная, особая взаимосвязанность. Политическим союзом кельхоры и гораны оставались связаны до середины XIX в.

Глава о кельхорах в хронике Шараф-хана Бидлиси содержит три параграфа, посвященных трем кельхорским династиям правителей Палангана, Дартанга и Махидешта. Династия, правившая в Палангане, утратила власть в конце 70-х годов XVI в. Основная масса кельхорского племенного сообщества утвердилась за пределами Арделанского Курдистана, в областях Керманшахана. По сведениям арделанских хронистов, в конце XVI в. Тимур-хан Арделан устроил даже набег на область 'Умар-бека Кельхора, его племя ограбил и, по словам Мах Шараф-ханум Курдистани, «оставил тех несчастных без куска хлеба». Глава кельхоров обратился за помощью к своему южному соседу, Шах-вирди-хану Луру. Произошла битва, и арделанский правитель Тимур-хан заплатил жизнью за свою непродуманную акцию.

Ветвь кельхорских эмиров, правившая в Дартанге (древнем Хулване), самая мощная. К концу XVI столетия, когда Шараф-хан Бидлиси писал свою хронику, эмиры Дартанга значительно укрепили свою власть. После покорения Багдада султаном Сулейманом Гази 'Умар-бек Кельхор выразил ему покорность и снискал «беспредельное государево благоволение». Наследственным княжеством, по словам историка, он стал управлять как вассал османского султана. Кубад-бек, сын и наследник 'Умар-бека, приумножил наследственные владения. Они охватывали территорию от Динавера до Багдада<sup>66</sup>.

После XVI столетия кельхоры остаются в Арделане, однако представлены уже не столь многочисленно, как прежде. Представителей кельхорского племени мы находим и при княжеском дворе. В XVII в. до конца 30-х годов большим влиянием при дворе Сулейман-хана Арделана пользовался Мурид-Вайс-султан, занимавший

<sup>64</sup> См.: Longrigg S.H. Four Centuries of Modern Iraq. Oxf., 1925. P. 6.

<sup>65</sup> См.: Аюпов Г.Б. Курды-гураны // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. VII. Курдоведение. Ереван, 1975. С. 157, 158, 160.

<sup>66</sup> Шараф-наме 1967. С. 366.

должность *нāзира*<sup>67</sup>. После смещения Сулейман-хана кельхорский султан стал управлять всем Арделаном и, как писала Мах Шараф-ханум Курдистани, «не дал чужим войти в вилайет»<sup>68</sup>. Его же стараниями княжеский трон в Арделане вскоре занял сын Сулейман-хана Калб-‘Али-хан. В благодарность за оказанную поддержку тот назначил Мурид-Вайс-султана Кельхора «полновластным хозяином Палангана». По поводу данного сюжета в одной из арделанских хроник сказано кратко и четко: в Арделанском Курдистане в правление шаха Аббаса II (1642–1666) «хозяиничали кельхоры».

Через столетие кельхоры (как и гораны) в основной своей массе обитают за пределами эмирата Арделан и состоят на службе у правителя Керманшаха Имам-Кули-хана Зенгене<sup>69</sup>. В составе войска керманшахского хана они не единожды выступают против Арделанов и оказывают поддержку восставшему вождю племени джаф. Позицию племен кельхор и горан определяет готовность присоединиться к любой акции, направленной против Арделанов. В качестве политического парадокса отметим тем не менее факт, упоминаемый в хронике Мах Шараф-ханум Курдистани. Во время сражения арделанского князя Хусрав-хана Великого с правителем Керманшаха Аллах-Кули-ханом в окружении эмира Арделана находился Мирза-бек Кельхор, и именно его рукой Аллах-Кули-хан был обезглавлен.

Таким образом, отдельные ветви и части кельхорского племенного сообщества в XVII–XIX вв. продолжали обитать в Арделане, в Южном Курдистане, а в эпоху Каджаров, в царствование шахов Мухаммеда (1834–1848) и Насир ад-дина (1848–1896), керендские кельхоры были даже призваны на службу в иранскую столицу. Тем не менее компактнее всего племя кельхор представлено в южных округах Керманшахана. Глава «самого могущественного племени» кельхоров именуется в книге Обэна<sup>70</sup> *ильхāном* всех племен Керманшахана<sup>71</sup>.

Мир керманшахских племен, среди которых особое положение занимали кельхоры, зенгене, гораны и сенджабийцы, жил своей жизнью, какое бы давление извне на него ни оказывалось. Племена продавали друг другу земли<sup>72</sup>, вступали в союзы, подчиняли тех, кто начинал проявлять слабость. Ситуация в области находилась под контролем ханских и султанских кланов.

Хаман — ханский род кельхорского племени, проживал в округе Гилян, в городе Гиляне, окруженном Гилянской долиной. Информация о нем всплывает в примечании В.Ф. Минорского. Основана она на его скрупулезных «дознаниях» во время поездок по приграничным территориям.

Верховная власть над кельхорским племенным сообществом, по всей видимости, принадлежала ханскому роду Хаман в достаточно отдаленные времена. Во время посещения кельхорских земель комиссией по ирано-турецкому разграничению 1849–1852 гг. во главе племени стоял представитель знатного керманшахского рода, состоявшего в родстве с Каджарами<sup>73</sup>. После него правил его брат, а затем их родственник. В правление последнего усилился, по словам А.А. Орлова, «простой кельхурр» Дауд-хан из *тāифе* халиди, подразделения кельхорского племенного сообщества. Ко времени кончины последнего правителя из рода Хаджиян он укрепил свои

<sup>67</sup> Букв. «смотрителя», или *нāзир-и сундўк-хāне*, смотрителя кладовых Курдистана. См.: Васильева 1991. С. 130–131.

<sup>68</sup> Мах Шараф-ханум Курдистани 1990. С. 53–54.

<sup>69</sup> Там же. С. 91.

<sup>70</sup> Aubin E. La Perse d'aujourd'hui: Iran, Mésopotamnia. P., 1908. P. 333.

<sup>71</sup> Согласно М.А. Заки, в области Керманшахан проживали 44 племени.

<sup>72</sup> Кельхоры, например, купили большой земельный участок у сенджабийцев.

<sup>73</sup> Чириков Е.И. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 гг. // ЗКОИРГО. 1875. Кн. 9. С. 279.

позиции настолько, что без труда отстранил законного наследника и стал управлять всем *йлем* кельхор<sup>74</sup>.

Не подвергая сомнению информацию А.А. Орлова, отметим, однако, несовместимость статуса «простого кельхурра» с присутствием в имени ханского звания. То обстоятельство, что оно входило в имя Дауд-хана изначально, отнюдь не свидетельствует о принадлежности к «простым» кельхорам, рядовым членам племени. Чтобы стать главой всего племенного сообщества кельхор и именоваться *йльхāном*, необходимо было, на наш взгляд, прежде всего происходить из *хāнзāде*, потомственных ханов. Для взлета наверх, к высотам трибального Олимпа необходима была поддержка халидийского подразделения кельхоров, к которому принадлежал Дауд-хан.

В этом плане вызывает сомнение и высказывание Э.Б. Соуна о Дауд-хане, который, по его словам<sup>75</sup>, стал вождем всего кельхорского племени из торговца вразнос. Вертикальная социальная мобильность подобного масштаба едва ли возможна в среде племен. В курдском обществе социальные и политические позиции закреплялись за домом, не за индивидуумом<sup>76</sup>, и статус семьи признавался и утверждался социумом на протяжении жизни поколений. Поэтому «простой кельхурр» Дауд-хан не мог не опираться и на свое халидийское *тāйфе*, и на происхождение из рода потомственных ханов. Род его мог, разумеется, обеднеть, и для его финансовой реанимации могла пригодиться и «торговля вразнос». Однако одной торговли и даже богатства как такового было недостаточно.

Ни семейство Хаджиян, ни дом пошткухских правителей не породнились бы с Дауд-ханом Кельхором с такой готовностью, если бы его жизненный путь начинался с торговли вразнос и составной частью его имени не было звание «хан». Вспомним, с какой дотошностью вникал в генеалогический контекст и производил свой «микроскопический анализ» В.Ф. Минорский. Собранные им генеалогии курдских семей, результат многочасовых бесед и многих сотен километров в седле, давали возможность объяснить распри и влияние отдельных лиц. История вознесения Дауд-хана Кельхора также имела свой генеалогический контекст.

Дауд-хан был весьма могущественным правителем и занимал практически независимое положение. Он подчинил себе небольшое ханство Эйван, к югу от Зохаба и Керенда, которое управлялось отдельным родом кельхорского племени, и покончил с его самостоятельностью. Эйванские ханы стойчески перенесли утрату независимого статуса и после гибели Дауд-хана в 1911 г. предпочли остаться под началом кельхорского *йльхāна*, вступив в вооруженный конфликт с правителем Пошткуха, который выступил с претензией на Эйван.

Свою столицу город Гилян Дауд-хан Кельхор украсил прекрасными каменными строениями и садами. Рядом со старинной крепостью в центре города, на искусственном возвышении был построен дворец. В результате, как и в столице Арделанов Сенендедже, в столице Кельхористана городе Гиляне появился дворцово-крепостной ансамбль.

Дауд-хан в последние пятнадцать лет своей жизни и правления играл, по свидетельству А.А. Орлова, важную роль в Керманшахской провинции и имел титул Эмира А'зама, Великого эмира<sup>77</sup>. За область кельхоров он выплачивал генерал-губернатору Керманшаха сумму в 12 тысяч туманов и за Эйван после его присоединения — 1200, но после провозглашения в Иране конституции перестал платить совсем и правил самостоятельно, не оглядываясь ни на кого.

<sup>74</sup> Орлов 1915. С. 165–166.

<sup>75</sup> Soane 1926. P. 386.

<sup>76</sup> Васильева 1991. С. 178–180.

<sup>77</sup> Орлов 1915. С. 165–166.

Доходы кельхорского *ильхана*, по свидетельству А.А. Орлова, были весьма значительны. Ему принадлежала почти вся обрабатываемая земля, которая сдавалась в аренду за треть урожая. Рисовые поля в Гилянской долине, стада овец в три тысячи голов, охрана караванных путей и т.д. — все приносило значительный доход и пополняло казну. Большие стада держало большинство кельхоров, проводивших две трети года в своих черных шатрах. Экономическая мощь, близость к приграничной полосе позволяли свободно кочевать из Персии в Турцию и обратно, не признавая ничьей власти и не выплачивая никому налогов<sup>78</sup>. При благоприятных условиях, по словам П.И. Аверьянова, кельхоры бывали не прочь подняться всей массой и против правительства. Такую готовность вместе с племенами калххани, сенджаби и курдами Ревансера кельхоры проявили во время восстания Исма'ил-аги Симко Шеккака, объединившись в организованный союз.

По всей видимости, такая готовность племени к неповиновению и послужила для Реза-шаха Пехлеви поводом для ареста главы кельхоров в 1926 г. Заточение не сломало кельхорского хана, и в 1946 г., через пять лет после освобождения, он принимает участие в походе племен на Тегеран.

Кельхорское племя не проявило признаков ослабления в XX столетии. Его история насчитывает не одно тысячелетие и уводит нас в отдаленные времена. Названия древних городов на его территории, остатки крепостей<sup>79</sup> — все свидетельствует о бурном, насыщенном масштабными событиями историческом прошлом региона. Рядом с кельхорским племенным сообществом стояли плечом к плечу гораны, ставшие их братьями по вере.

Исследователь истории Древнего Востока А. Куник еще в 1852 г. писал на страницах «*Mélanges Asiatiques*» о самой тесной взаимосвязанности древних ассирийцев и мидийцев с курдами. Именно курдские племена, по заключению А. Куника<sup>80</sup>, могут представить материалы для интереснейших исследований, которые прольют свет на историю Ассирии, Вавилона и Малой Азии. Мостиком в древнюю Мидию, территория которой охватывала области Кельхористана, может послужить история курдских племен кельхор и горан.

#### Список сокращений

ВС — Военный сборник. СПб.

ЗКОИРГО — Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис.

ИШКВО — Известия штаба Кавказского военного округа. Тифлис.

МИВ — Материалы по изучению Востока. СПб.

СЭ — Советская этнография. М.

BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. I.

EI<sup>2</sup> — The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden—London.

JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. L.

<sup>78</sup> Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Тифлис, 1900. С. 316.

<sup>79</sup> На А.А. Орлова произвели сильное впечатление остатки крепостей Кала-Сумар и Кала-Дубрала в приграничном округе Сумар. Крепости изобиловали остатками капитальных сооружений, набережной и канала, просеченного в твердой породе на глубине двух аршинов. См.: Орлов 1915. С. 158–159.

<sup>80</sup> Kunik [A.] Analyse d'un ouvrage manuscrit... // Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. 1852. P. 540.

## Summary

E.I. Vasil'eva

### **The Kurdish Tribe in Sources and Literature**

The historical role of the Kurdish tribe has not been appropriately appreciated. It has been practically always regarded negatively as the idea of the tribal solidarity was a permanent obstacle to the ethnoconsolidating processes and the liberation movement. The key to the phenomenon of the Kurdish tribe is its dual nature. It combines two trends: the centripetal and the centrifugal ones. The leading role belongs to the former and its integrative-protective function. Kurds would barely have a chance to survive as an ethnic community but for the possibility of migrating to the mountains in dire moments of their history, when their tribe and the nomadic life were their strongholds.